

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 161–170

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 161–170

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170>, EDN: KNKZZZ

Научная статья

УДК 821.161.1-3-9.09+811.161.1'42

Внутренняя немая сцена в автокоммуникации

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой общего литературоведения и журналистики, prozorov@info.sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Аннотация. Настоящая работа продолжает и развивает тему, поднятую мною в статье «Немая сцена в свете теории речевых жанров». Феномен внутренней немой сцены (ВНС) впечатляюще усиливает автокоммуникативный динамизм внутренней речи. Основанием для ВНС служат нечаянно являющиеся нам в процессе речемыслительной работы поворотные моменты – новые внешние и внутренние сигналы, побуждающие к более или менее значительной переориентировке внимания. ВНС, с точки зрения основных сценарных компонентов, изначально предполагает привычный, относительно ровный ход мысли, способный прерваться нежданной догадкой, озадачивающим открытием, ошеломляющим впечатлением, внезапным осознанием цены прежде неразличимого или казавшегося несущественным. При этом заметно меняется отношение субъекта наблюдений к себе самому, к другим, к окружающим обстоятельствам, к времени и пространству. Прозрение часто сопровождается эмоционально окрашенным, исполненным сокрушения / удивления / радостного подъема речежанровым аккомпанементом восклицательного / вопросительного / констатирующего толка. В результате течение мысли обретает новые эмоционально-смысловые импульсы, новое качественное содержание.

Вариации ВНС в автокоммуникативном процессе трудно поддаются пока системному исчислению. Сюжетно-композиционное развитие ВНС может отчетливо запечатлеваться в эгодокументальных свидетельствах, в лирической медитации, в художественно-психологических повествованиях. В статье предлагаются наблюдения над текстами И. А. Гончарова, М. М. Пришвина, А. С. Пушкина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. Семантическая направленность ВНС способна заметно (и позитивно, и драматически остро) влиять на состоятельность и результативность речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: внутренняя немая сцена, внутренняя речь, автокоммуникация, речемыслительный процесс, речежанровое сопровождение, эгодокументы, лирика, художественная проза

Для цитирования: Прозоров В. В. Внутренняя немая сцена в автокоммуникации // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 161–170. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170>, EDN: KNKZZZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

An inner silen scene in autocommunication

V. V. Prozorov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Valery V. Prozorov, prozorov@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Abstract. The present article continues and develops the topic of the article “A Silent Scene in view of the speech genre theory”. The phenomenon of an inner silent scene (ISC) remarkably enhances the autocommunicative dynamism of inner speech. The basis for an ISC can be seen in critical moments within our verbal and thinking activities – new inner and outer signals causing more or less meaningful reorientation of our attention. From the point of view of basic script components, an ISC originally presupposes a customary and relatively even thinking process able to be interrupted with an unexpected guess, a puzzling discovery, an amazing

impression or a sudden awareness of the value of what earlier seemed meaningless or invisible. At the same time, one remarks the noticeable change in the attitude of the subject of observation to themselves, others, the surrounding circumstances, time, and space. The enlightenment is often accompanied by exclamations, questions or statements which are usually emotionally colored and full of surprise, anguish or a happy inspiration. As a result, the flow of thoughts acquires new emotional and conceptual impulses and a new quantitative meaning.

Varieties of ISC in the autocommunicative process still defy systemic estimation. The development of the plot and composition of a ISC may be distinctly imprinted in ego documentary evidences, lyrical meditations or fictional psychological narratives. The author offers his observations of the texts of I. A. Goncharov, M. M. Prishvin, A. S. Pushkin, M. E. Saltykov-Shchedrin, L. N. Tolstoy, I. S. Turgenev, and A. P. Chekhov. The semantic slant of a ISC can noticeably impact the consistency and productivity of verbal and thinking activities.

Keywords: inner silent scene, inner speech, autocommunication, verbal and thinking process, speech genre accompaniment, ego documents, lyrics, fiction

For citation: Prozorov V. V. An inner silent scene in autocommunication. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 161–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-161-170>, EDN: KNKZZZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Настоящая работа продолжает и развивает тему, поднятую мною в статье «Немая сцена в свете теории речевых жанров» [1].

Внутренняя речь (далее – ВР), или автокоммуникация [2: 164–165], понимается как скрытый от внешнего наблюдения монолог с элементами диалогической активности. Особый исследовательский интерес вызывает «дискурсивная системность внутренней речи» [3: 13] как явления когнитивного порядка и как феномена речевой культуры. ВР определяется в современной психологии как инстанция самосознания: «Я – Другое-Я» [4: 77-82]. ВР может быть обращена не только к себе самому, но и к воображаемому собеседнику, с которым автор привычно ведет свой художественно-образный диалог. Вспоминается наставление Н. В. Гоголя: «слог у писателя образуется тогда, когда он знает хорошо того, кому пишет» [5: 103]. Внутренний адресат словно водит рукой автора, способствуя надежности и состоятельности его высказываний: «Самая монологическая, самая сосредоточенная на своем предмете речь (максимально далекая всякой риторичности)» имеет «диалогические обертоны» [6: 239].

Касающиеся ВР капитальные суждения в русской и мировой психологии по всеобщему признанию восходят к Л. С. Выготскому: «внутренняя речь есть особое по своей психологической природе образование, особый вид речевой деятельности, имеющий свои совершенно специфические особенности и состоящий в сложном отношении к другим видам речевой деятельности» [7: 286]. ВР являет собой «психологическую трансформацию внешней, её »внутреннюю проекцию»» [8: 3]. Работы разных лет, посвященные ВР, содержат ценную информацию об актуальных направлениях

и перспективах в исследовании проблем автокоммуникации [8–14 и др.].

Открытым в современной науке остается вопрос о том, является ли ВР разновидностью преимущественно внеречевой мыслительной деятельности или в её совершении заметная роль отводится и вербально-коммуникативной составляющей. Давно уже высказывалось убеждение в безусловной справедливости идеи «невербальности собственно мыслительного процесса». Именно «на невербальном уровне обеспечивается мотивация, формируется этап интенции, производится оценка ситуативных условий общения» [10: 40, 66]. Но с другой стороны, не менее убежденно в наше время (как и в прежние времена) говорится и о том, что «речь и мысль взаимодействуют, совершенствуя друг друга: речь возникает на базе аморфной мысли, не имеющей дискретной структуры, но становится таковой под воздействием ею же рожденной речи» [15: 34].

Оставляя сейчас в стороне обсуждаемый вопрос, мы используем компромиссное рабочее понятие процессуальности речемыслительного акта и рассматриваем интересующую нас внутреннюю немую сцену (ВНС) как своего рода внезапную, разной силы взрывную приостановку (заминку, сбой, паузу) в указанном процессе, способствующую его более или менее существенной корректировке (уточнению, обновлению, пересмотру и т. д.).

Словосочетание «немая сцена» обращает нас в отечественной коллективной памяти к финалу комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», но вместе с тем имеет в виду и более широкий спектр смыслопроявлений, о котором идет речь в моей статье «Немая сцена в свете теории речевых жанров». Теперь нам предстоит разобраться в эмоционально-интеллектуальном диапазоне автокоммуникативной немой сцены, определить

приметы ее речевжанрового сопровождения и выражения.

ВНС – взрывающая молчание, часто этически преломленная когнитивная вспышка разной силы, вызванная некоторым замешательством, самоукоризной, удивлением, восторгом, озарением по случаю явившегося вдруг самому себе нового впечатления, откровения, резко ощутимого поворота мысли. Основанием для подобной вспышки служат нечаянные догадки, свои или внешние раздражения-подсказки, осознание прежде неразличимого, казавшегося несущественным и т. п. В любом случае ВНС – чувствительная пауза, а затем и перемена в текущем речемыслительном процессе, соответствующая семантике глаголов «удивиться», «спохватиться», «очнуться», «вспомнить», «осознать», «прозреть».

Молчание взрывается произвольными возгласами, расхожими фразеологизмами («Как же так?!», «Ну и ну!», «Ничего себе!», «А что, если...?», «Вот здорово!» и т. п.), отделимыми, подходящими к ситуации репликами ликования / удивления / сомнения («Такого представить себе не мог!»; «Тут что-то не так!»; «Но ужель он прав, и я не гений?» – Пушкин, «Моцарт и Сальери»). В основании этих реакций – мгновенный отклик нашего «внутреннего собеседника» на новые, достойные удивления вести, вдруг явившиеся откровения, радостная констатация сделанного только что открытия (Пушкин по окончании работы над «Борисом Годуновым» – в письме к П. А. Вяземскому от ноября 1825 г.: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши, и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!»). Эти и другие ментально-речевые образования характеризуются особенностями языковой личности, её психологическими, объективно-статусными и многими др. признаками [16: 8–102].

Ценность ВНС заключена в поддержании благотворного речемыслительного напряжения, в добавлении огня в тлеющий и постепенно замигающий костёр откровенного общения с самим собой. «Непонимание», возникающее порой в начальный момент ВНС, живительно, оно «представляется столь же ценным смысловым механизмом, что и понимание» [2: 16]. ВНС – когнитивно востребованная корректировка потаённого хода мысли.

1. ВНС в процессе самонаблюдений

Хрупкость самонаблюдений в ходе изучения ВНС очевидна. Подбор живых доказательных примеров ВНС из реальной повседневной коммуникативной практики – дело невероятно затруднительное с точки зрения фиксации и передачи на письме достоверности и убеждающей отчетливости этих примеров: «Внутренняя речь как психолингвальный феномен практиче-

ски не поддается воспроизведению» [17: 8]. Хотя память подсказывает нам немало разного рода примеров ВНС, вызванных досадой, раздражением, удивлением, ошеломлением по поводу неожиданных жизненно-сюжетных поворотов – от обыденно частотных и невинных до экспрессивно ярко выраженных и вызывающих сильную досаду / боль / удивление / радость:

- шёл куда-то в обычной задумчивости и вдруг с досадой сообразил, что прошёл мимо намеченного пункта...
- пребывал в ровном расположении духа, и тут внезапно зазвонил телефон, и пришла неожиданная грустная весть...
- понадеялся на помощь человека, а он в нужный момент обнаружил свою вопиющую необязательность и вовсе исчез из поля зрения...
- смотрела в окно, размечталась, и откуда ни возьмись на подоконник села ворона и ненароком как бы постучалась: вмиг всё внимание весело сконцентрировалось на забавной гостье...
- долго бился – бился над решением трудной задачи, и нежданно-негаданно пришло озарение – кратчайший путь к разгадке...

Примеров сосредоточения собственного внимания на вдруг обнаружившем себя новом предмете рефлексии – как из рога изобилия. При попытке обстоятельного и точного описания многих из них в воспринимающем сознании роится нечеткое множество переплетающихся подтекстовых и контекстуальных причинно-следственных процессов. Относительно отчетливая граница разделяет фиксируемое исходное состояние и внезапный повод для его приостановки. Но далее следует очень трудно поддающаяся рассудительной описательности эмоционально-экспрессивная реакция на возникший, смутивший душу повод, на попытки с ним обдуманно разобраться, а после этого, в свете случившегося, еще и вернуться к утраченному или пошатнувшемуся душевному состоянию.

Чем серьезнее повод, нарушивший ровное, предваряющее ВНС самочувствие, тем сложнее клубок рожденных им противочувствий. Внедрение некоего неожиданного коммуникативного события (акта) в речемыслительный процесс в любом случае влечет за собой непредусмотренный автокоммуникативный сбой.

Нагляднее всего описание ВНС дается художникам слова, владеющим искусством поразительно глубокого самонаблюдения, проникновения в тайны человеческой психики, в «диалектику души». Очевидно, что сюжетно-композиционное развитие ВНС с разной степенью внятности запечатлевается в эгодокументальных усмотрениях, в художественно-образных повествованиях, оно может быть обнаружено в полутонах и мелодике лирической

медитации. Сосредоточим свои наблюдения над такого рода материалами, тем более, что «искусство – это опыт одного, в котором многие должны найти и понять себя» [18: 5].

В дневниковых тетрадках М. М. Пришвин делится открытием, сделанным им в процессе размышлений, посвященных писательскому дару: *«Что это значит, талант? Однажды весной я подумал об этом, и вот вижу, на высокой елке, на самом верхнем ее пальчике, сидит маленький птичик. Я догадался, что птичик этот поет, потому что клювик его маленький то откроется, то закроется. Но такой он маленький, птичик, что песенка его до земли не доходит и остается вся там, наверху. Птичик этот крохотный пел, чтобы славить зарю, но не для того он пел, чтобы песенка славилась птичку. Так я тогда в этом птичке и нашел ответ себе на вопрос: что такое талант. Это, по-моему, есть способность делать больше, чем нужно только себе: это способность славить зарю, но не самому славиться»*. ВНС здесь – плод зорких и цепких авторских наблюдений над живой жизнью, в которой для влюбленного в нее и исполненного к ней доверия человека таятся простые по видимости подсказки, касающиеся сложных метафизических вопросов бытия. Подслушанное, точнее сказать, подсмотренное вдруг художником непосредственное (неадресованное) эмоционально-рефлекторное самопроявление птахи становится внезапным предлогом для умозаключений интеллектуально-прикладного порядка, давно занимавшего писателя.

Такого рода скрытых признаков ВНС много в открытых эгодокументальных признаниях. Случаются и более явные, напрямую связанные со злобой дня приметы взрывающей немоты оторопи. У Пришвина запись от 1 января 1938 г.: *«/.../ каждый раз, как сказал кому-нибудь лишнее, через некоторое время одумаешься и расскажешь: «Зачем я сказал!» Понятно, что при этой одумке допускаешь возможность доноса»*. Хмуро-тревожные социально-исторические обстоятельства жизни характеризуют и специфику ВНС, отражаются в ней.

Психологические самонаблюдения, включающие воссоздание эпизодов ВНС, всегда сопряжены с эффектом *внезапности и нечаянности*. Такого рода характерные признаки ВНС находим у И. С. Тургенева в его стихотворении в прозе «Мы еще повоюем!». Сосредоточенная на себе авторская мысль («Полный раздумья, шел я однажды по большой дороге»), начальное горестное состояние («Тяжкие предчувствия стесняли мою грудь; унылость овладевала мною»), и вдруг неожиданное солнечное впечатление: взгляд падает на «целую семейку воробьев», которая «прыгала бойко, забавно, самонадеянно». Особенно покорила тот, что «надсаживал

бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко чирикал»: «А между тем высоко на небе кружил ястреб, которому, быть может, суждено сожрать именно этого» воробья. Непроизвольно приглянувшаяся сценка резко повлияла на настроение автора: «Я поглядел, рассмеялся, встряхнулся – и грустные думы тотчас отлетели прочь». И родилось невольное спасительное восклицание: «Мы еще повоюем, чёрт возьми!» Здесь автору является живой, подсознательно, по-видимому, желанный, крохотный повод для ВНС, и стойкое уныние сменяется благотворным душевным подъемом.

Комическую версию рождения ВНС рисует А. П. Чехов в одном из ранних своих «осколочных» рассказов «Не в духе». Становой пристав Семен Ильич Прачкин склонен к нудной рассудительности. Мысль, что буравит его сознание, касается вчерашнего дня, когда он «заезжал по делу к воинскому начальнику, сел нечаянно играть в карты и проиграл восемь рублей». Сумма для него ничтожная, но осадок остался и теперь теревит его, душу выматывает: «Восемь рублей – экая важность! /.../ Люди и больше проигрывают, да ничего. И к тому же деньги дело наживное... Съездил раз на фабрику или в трактир Рылова, вот тебе и все восемь, даже еще больше!» Но не тут-то было! Внутренние терзания не оставляют Прачкина. А еще, в соседней комнате, сын его Ваня громко зубрит какой-то странный в понимании станového стих «Зима! Крестьянин торжествуя, на дровнях обновляет путь...» На фоне этих раздражающих его строк Прачкин пробует уговориться с собственным alter ego. Этому alter ego и имя у повествователя готово: «бес жадности и корыстолюбия /.../ сидел в ухе станového и упрекал его в расточительности» по поводу вчерашнего восьмирублевого проигрыша. И бес этот берет в нем верх. Финал рассказа – ВНС – освобождение от разрывающей душу тоски: восьми рублей, как ни крути, не вернуть! – и является внезапное компенсационное, как сказали бы психологи, решение...выпороть Ваню. За что? Какая разница! За разбитое вчера стекло.

ВНС в автокоммуникациях часто дружна с нравственно-психологическими категориями совести и стыда. Вспоминается цепь немых сцен в сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть». Каждый микросюжет здесь – про внутренние диалоги разных персонажей с внезапно обретаемой ими совестью. «Жалкого пропойцу» начинает беспощадно угнетать «процесс самоосуждения». Мерещится вереница вопросов, «на которые он может отвечать только удивлением и полнейшей бессознательностью». Хозяин кабака Прохорыч в неожиданно явившихся ему «философических упражнениях» рассуждает о совести как об осенившей его «благодати». Квартальный надзиратель Ловец,

«порядочный лихоимец», соприкоснувшись с совестью, в испуге думает: «Не очумел ли я, не во сне ли это все мне представляется?» По сказочному сюжету финансист Бржозский получил совесть по почте, в «штемпельном конверте», и едва взял этот злополучный конверт в руки, как «заметался во все стороны, словно угорь на углях». Художественная словесность представляет нам не только бесконечное разнообразие переживаний ВНС, но и самые неожиданные (в том числе, и сатирические) версии связанных с нею исходов и преодолений.

2. ВНС в лирической медитации

Природа автокоммуникативной ВНС косвенно и осторожно может обнаружить себя и в лирическом роде высказывания с его интенсивной исповедальной доверительностью, выразительностью, чаще всего нечетко проступающей нарративностью [19: 311–312]. Более того, отдельно взятый лирический текст, «смысловой сгусток лирического слова» [18: 8], нередко представляет всю цепочку характерного построения ВНС: от исходного, погруженного в себя состояния («Душа вкушает холодный сон...») к неожиданно явленному пробуждению («Но лишь божественный глагол // До слуха чуткого коснётся...») и от него к проникновенному, просветленному («И звуков, и смятенья полн...») финалу. Но часто весь лирический текст во всей своей полноте представляет сам апофеоз ВНС в момент прояснения, озарения, просветления души.

Вглядимся в пушкинское стихотворение «Ты и вы». Память о нечаянной, но желанной местименной подмене вызывает едва сдерживаемую пылкую реакцию лирического героя: «Пустое *вы* сердечным *ты* // Она, обмолвись, заменила /.../». Случайная ли обмолвка, невольная ли, но подсознательная оговорка – вдохновляющий побудительный предлог для сполна так и не выговоренного сокровенного признания. Про ВНС – вся нежная по тембру лирическая миниатюра.

Пушкинское «Я вас любил: любовь еще, быть может...» – послание, но еще больше исповедь: трудно дающееся себе обещание не тревожить ее отныне. Любовь не прошла, напротив, достигла высшей степени самоотречения. Скрытый от самого себя звучит как укор мотив ревнивого мужского великодушия: «Я вас любил так искренно, так нежно // Как дай вам Бог любимой быть другим». В прошедшем «любил» угадывается пронзительное и неиссякаемое настоящее. Всё стихотворение – исполненное светлой печали прощание-признание. ВНС – в её взволнованном, трепетном самоосуществлении.

Первые четыре строфы пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье» – давнее благодарное и благодатное, но, увы, с годами

померкшее воспоминание о той, чьи «небесные черты» почти уже забыты. Всё в прошлом: «Шли годы...», «И я забыл...», «Тянулись тихо дни мои...». Истоки ВНС приоткрываются в пятой строфе. Сперва передается общая, вернувшаяся поэту полнота ощущения собственного радостного чувства, нового прилива сил. «Душе настало пробужденье»: время самое что ни на есть настоящее, уже, к счастью, осуществившееся! И тут-то как раз оживает ВНС: вновь – упоительно радостная встреча: «И вот опять явилась ты...» Динамика поэтического настроения – от трогательного «Я помню» к грустному «я забыл» и, наконец, духоподъемное «явилась ты». Финал – апофеоз дарованных сердцу пылких волнений и переживаний: «воскресли вновь // И божество, и вдохновенье, // И жизнь, и слезы, и любовь».

В восьмистишии Пушкина «Я думал, сердце позабыло...» первые шесть стихов – про то, что ушло, развеялось, исчезло. Прошедшее глагольное время («Я думал...», «Я говорил», «Прошли восторги...») несколько смягчает решительность начального утверждения, и это смущение окупается финалом стихотворения: «Но вот опять затрепетали // Пред мощной властью красоты». ВНС несет в себе присущее лирическому герою ощущение душевного возрождения и просветления.

Сдается, что проникновенные лирические медитации, чувственные излияния души, переживания лирического субъекта, запечатлевающие глубокую эмоционально-интеллектуальную рефлексию самопознания, по своей природе близки феномену ВНС. Но это отдельная самостоятельная тема.

3. ВНС в психологической прозе

Многочисленные описания ВНС разной побудительности и интенсивности, разного причинно-следственного преломления находим в художественно-психологической прозе. Подобного рода ситуации щедро прослеживает автор романа «Обломов» И. А. Гончаров, трогательно и бережно регистрирующий внутренние состояния и превращения в мыслительных процедурах своего любимого героя. Здесь и образцы едва намечающейся, но не реализуемой в яви ВНС, и полные сложных психологических подтекстов эпизоды внезапно обнаруживаемой речемыслительной активности Ильи Ильича Обломова.

Вот пример едва обозначившейся, но сполна не осуществляемой ещё ВНС. Поначалу «*мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности*». Однако случалось с Обломовым и так, что «*на лицо набегала из души и туча заботы, взгляд туманился,*

на лбу являлись складки, начиналась игра сомнений, печали, испуга, но редко тревога эта застывала в форме определенной идеи, еще реже превращалась в намерение. Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии или в дремоте». Так даже в привычном, относительно ровном самочувствии человека, пребывающего в добром расслабленном состоянии, на какое-то время проскальзывает легкая тень озадаченности. Словно бы предваряя НС, состояние это однако в немую сцену, строго говоря, не обращается.

Что же касается внезапных вестей – «неприятных сюрпризов», непосредственно касавшихся Обломова и приходивших к нему из внешнего мира, то они с настойчивостью пробовали уже вызвать интересующую нас реакцию: «Обломов стал думать. Но он был в затруднении, о чем думать: о письме ли старосты, о переезде ли на новую квартиру, приняться ли сводить счеты? Он терялся в приливе житейских забот и все лежал, ворочаясь с боку на бок. По временам только слышались отрывистые восклицания: «Ах, Боже мой! Трогает жизнь, везде достает»». Здесь уже мыслительно-чувственный процесс стопорится, рождаются недоумения, которые пробуют разрешиться невольными горестными возгласами. Мы свидетели целого потока внутренних немых сцен. От нахлынувших вдруг разнородных вестей мысль героя бессильно затормаживается, человек ощущает неразрешимость заполонивших его забот, теряется и пробует («отрывистыми восклицаниями») утешить себя нехитрой психолого-философской констатацией неизбежности с ним случившегося.

Совсем иного масштаба, мучительно беспощадная НС описывается автором в момент самооткровения героя, когда Обломов неожиданно для себя «очнулся и открыл глаза». Его посещает сильно тревожащее душу прозрение; откуда ни возьмись, является цепь трудно разрешимых и безжалостных в отношении к себе вопросов: «Как страшно стало ему, когда вдруг в душе его возникло живое и ясное представление о человеческой судьбе и на значении, и когда мелькнула параллель между этим назначением и собственной его жизнью, когда в голове просыпались, один за другим, и беспорядочно, пугливо носились, как птицы, пробужденные внезапным лучом солнца в дремлющей развалине, разные жизненные вопросы».

Горькое самоедство, «тайная исповедь перед самим собою», «жгучие упреки совести язвили его, как иглы, и он всеми силами старался свергнуть с себя бремя этих упреков, найти виноватого вне себя и на него обратить жало их. Но на кого? «Это все... Захар!» – прошептал он». Простодушно лукавое бессилие ответа сразу же становится ему понятным: «Пускав

бесполезно враждебного начала, мешающего ему жить как следует, как живут “другие”, он вздохнул, закрыл глаза, и чрез несколько минут дремота опять начала понемногу оковы его чувства. “И я бы тоже... хотел... – говорил он, мигая с трудом, – что-нибудь такое... Разве природа уж так обидела меня... Да нет, слава Богу... жаловаться нельзя...” За этим послышался примирительный вздох. Он переходил от волнения к нормальному своему состоянию, спокойствию и апатии». В этом эпизоде ВНС с обезоруживающей внезапностью предъявляет очнувшемуся Обломову сильное душевное испытание, заставляет переживать и страдать, а затем, в поисках самозащиты, естественно приводит к истощению душевных сил и привычно клонит ко сну. Здесь ВНС – сгусток (вихрь) эмоционально-интеллектуального напряжения, одолевающий человека в кризисном состоянии и разрешающийся по неписаным императивам самосохранения. Автор чутко регистрирует сплав вербальной и чувственно-бессловесного переживания героем ВНС.

В буквальном и переносном смысле попутная и кратковременная вспышка – ВНС настигает Обломова, отправляющегося на встречу с Ольгой. Илья Ильич «пошел тише, тише, тише, одолеваемый сомнениями. “А что, если она кокетничает со мной?.. Если только...” Он остановился совсем, оцепенел на минуту. “Что, если тут коварство, заговор... И с чего я взял, что она любит меня?”» Нарастающее смущение обращается в растерянность, растерянность приводит к минутному остоленению, и нежданно-негаданно рождается, казалось бы, ни на чем не основанное подозрение... ВНС может обнаружить себя и в моменты недоверчивой настороженности, сосредоточенности на внезапно угнетающих напрасных догадках.

4. ВНС в диалогическом общении

Совсем иначе ВНС проявляется в чрезвычайно напряженном и трогательном любовном диалоге, в котором обе стороны, каждая по-своему, с повышено чувствительной экспрессией и недосказанностью переживают происходящее между ними: Ольга Ильинская и Илья Ильич Обломов «шли тихо; она слушала рассеянно, мимоходом сорвала ветку сирени и, не глядя на него, подала ему. – Что это? – спросил он оторопев. – Вы видите – ветка. – Какая ветка? – говорил он, глядя на нее во все глаза. – Сиреневая. – Знаю... но что она значит? – Цвет жизни и... Он остановился, она тоже. – И?.. – повторил он вопросительно. – Мою досаду, – сказала она, глядя на него прямо, сосредоточенным взглядом, и улыбка говорила, что она знает, что делает. Облако непроницаемости слетело с нее. Взгляд ее был говорящий и понятен. Она как будто

нарочно открыла известную страницу книги и позволила прочесть заветное место. – Стало быть, я могу надеяться... – вдруг, радостно вспыхнув, сказал он. – Всего! Но... Она замолчала. Он вдруг воскрес. И она, в свою очередь, не узнала Обломова: туманное, сонное лицо мгновенно преобразилось, глаза открылись; заиграли краски на щеках; задвигались мысли; в глазах сверкнули желания и воля...»

Исполненный невербальной символики эпизод, чрезвычайно важен и для самочувствия романских героев [О мотиве сирени в романе «Обломов» см.: 20: 124–129], и для нашей темы, связанной с ВНС. Предельная трепетность диалога многозначительно прерывается цепью ВНС, чутко фиксируемой автором, чтобы сперва Ольга, а вслед за ней и Илья Ильич в состоянии могли ощутить всю глубину осознанно открывающихся им навстречу друг другу глубоких чувств. ВНС сосредоточивает в себе невыразимые движения души, передает их через произвольно направленные действия («мимоходом сорвала ветку сирени») и многозначительные жесты (подала ему сорванную ветку сирени) недоговорённые фразы («Цвет жизни и...»). Ольга в этой немой сцене предельно внятно открывает ему заветные чувства, и Илья Ильич их воспринимает с радостным озарением. Возможности ВНС психологически неисчерпаемы и могут по-своему контактно и вместе монологически глубинно осуществляться в каждом из очень близких друг другу партнеров общения. Мы свидетели жанра проникновенного и согласного любовного диалога, каждый из участников которого трепетно переживает свою автокоммуникативную роль, свою ВНС.

Подобный же феномен параллельной ВНС автор отметит и в привычном уже молчаливо диалоговом контакте своих героев: «Они иногда молчали по полчаса. Ольга углубится в работу, считает про себя иглой клетки узора, а он углубится в хаос мыслей и живет впереди, гораздо дальше настоящего момента. Только иногда, взглядывая пристально в нее, он вздрогнет страстно, или она взглянет на него мимоходом и улыбнется, уловив луч нежной покорности, безмолвного счастья в его глазах». Мы свидетели переживаемой героями романа ситуации, в которой «лишь молчание понятно говорит». ВНС здесь вспыхивают украдкой, чтоб вскоре вновь и вновь о себе напомнить...

Сложнейший клубок переживаний передает наступающая Обломова ВНС, которой предшествует неожиданное для Ильи Ильича признание Андрея Штольца: Ольга Ильинская стала его женой... «Кто ж, кто этот счастливец? Я и не спрощу. – Кто? – повторил Штолец. – Какой ты недогадливый, Илья! Обломов вдруг остановил на своем друге неподвижный взгляд:

черты его окоченели на минуту, и румянец бежал с лица. – Не... ты ли? – вдруг спросил он. – Не шути, Андрей, скажи правду! – с волнением говорил Обломов. – Ей богу, не шучу. Другой год я женат на Ольге. Мало-помалу испуг пропадал в лице Обломова, уступая место мирной задумчивости; он еще не поднимал глаз, но задумчивость его через минуту была уж полна тихой и глубокой радости, и когда он медленно взглянул на Штольца, во взгляде его уж было умиление и слезы». Эта сцена – один из важнейших контрапунктов романного повествования. Но здесь, в диалоге с близким другом Ильи Ильич переживает ВНС – поразительно сложный водоворот самых разных, невыговариваемых, молниеносно сменяющих друг друга жизнеощущений. ВНС обнаруживает чистоту и удивительно трепетную глубину обломовских переживаний.

5. ВНС в диапазоне мотивов гибели и возрождения

ВНС может стать и становится предлогом не только для приостановки найденного уже и пылко испытанного хода мысли, но и для заметного вдруг притока сомнений в правильности избранного пути. Константин Левин в счастливый день своей свадьбы, оставшись один после веселой встречи-беседы с приятелями, припоминая их доводы о женитьбе, которая, по их стойкому холостяцкому убеждению, ведет к потере собственной свободы и способна вызывать «чувство, как у гоголевского героя, что в окошко хочется выпрыгнуть», думает про себя, есть ли у него в душе чувство сожаления о своей свободе: «Он улыбнулся при этом вопросе. “Свобода? Зачем свобода? Счастье только в том, чтобы любить и желать, думать её желаниями, то есть никакой свободы, – вот это счастье!” “Но знаю ли я её мысли, её желания, её чувства?” – вдруг шепнул ему какой-то голос. Улыбка исчезла с его лица, и он задумался. И вдруг на него нашло странное чувство. На него нашел страх и сомнение, сомнение во всем». И далее, в ключе внезапно захватившего его сомнения следует исполненный сильной растерянности внутренний монолог, побуждающий его ринуться к Кити с совершенно поразившими её расспросами (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»). Каверзно застающая героя врасплох ВНС, способна стать испытанием, нарушающим внутреннее душевное равновесие.

ВНС может оказаться роковой для человека, чьи нервы накалены до предела и чьи поиски выхода из сложившихся противоречий не находят по видимости никакого положительного решения. В безнадежном омуте неразрешимых вопрошений находится Анна Каренина после тяжелой размолвки с Вронским: «В душе ее была какая-то неясная мысль, которая одна инте-

ресовала ее, но она не могла ее сознать. /.../ “Зачем я не умерла?” – вспомнились ей тогдашние ее слова и тогдашнее ее чувство. И она вдруг поняла то, что было в ее душе. Да, это была та мысль, которая одна разрешала все». Медленно подбиравшаяся к ней и вдруг со всей очевидностью обнаруженная мысль, уже посетившая её в очень трудных жизненных испытаниях, внезапно представилась Анне по-настоящему всё разрешающей и вызывающей болезненно приятную волну сочувствия к самой себе. Нервически отчаянная ВНС здесь – предвестие катастрофы, что случится с главной героиней романа Толстого.

Ещё одна сильная размовка Анны и Вронского оборачивается ВНС, в которой Анна в сердцах и на пределе отчаяния придумывает подсказанные ревностью и страшно ее уязвляющие ситуации и слова-укоры, которые наверняка, как ей кажется, *готов был бы* сказать ей Вронский. И слова эти, угадываемые ею, про себя выговоренные и к себе самой адресованные, подавляют ее с еще большей, беспощадной болезненной силой: « /.../ вспоминаю все те жестокие слова, которые он сказал, Анна придумывала еще те слова, которые он, очевидно, желал и мог сказать ей, и все более и более раздражалась. “Я вас не держу, – мог сказать он. – Вы можете идти, куда хотите. Вы не хотели разводиться с вашим мужем, вероятно, чтобы вернуться к нему. Вернитесь. Если вам нужны деньги, я дам вам. Сколько нужно вам рублей?” Все самые жестокие слова, которые мог сказать грубый человек, он сказал ей в ее воображении, и она не прощала их ему, как будто он действительно сказал их». ВНС выстраивается как более чем вероятный, предельно жесткий диалог не с собой, а с воображаемым любимым собеседником, которому Анна, потрясенная бесчувствием Вронского, придает черты крайне холодной жестокости и мелочной расчетливости.

Вскоре Вронский переживет свою ВНС. В ответ на брошенную ему Анной отчаянную реплику о ждущем его раскаянии «он вскочил и хотел бежать за нею, но, опомнившись, опять сел и, крепко сжав зубы, нахмурился. Эта неприличная, как он находил, угроза чего-то раздражала его. “Я пробовал все, – подумал он, – остается одно – не обращать внимания”, и он стал собираться ехать в город и опять к матери, от которой надо было получить подпись на доверенности». На этот раз ВНС, которую пережил и испытал на себе Вронский и которую мысленно заключил хладнокровным приговором «не обращать внимания», вплотную подведет Анну к трагической развязке. ВНС таит в себе риски серьезных психологических испытаний. В состоянии тягостных душевных терзаний ВНС для субъекта её оборачивается сладостно-му-

чительной попыткой совершения действий себе и ближним во зло.

С другой стороны, ВНС готова нести в себе и жизнотворный заряд позитивного обновления общего душевного состояния. Заключительные главы 8-й части романа «Анна Каренина» посвящены «от полноты сердца» преследующим Константина Левина напряженным мучительным раздумьям о вере и неверии, о пределах, положенных на этом свете рациональному познанию мира и о силе чувственного, нравственного восприятия жизни. У Левина «мысль не поспевала за чувством». Психологически очень точно схвачена одна из важнейших примет ВНС. Глубоко волнующая Левина мысль то и дело оборачивается пронзительными вопросами, которые задает себе толстовский герой: «что он такое и для чего он живет». Сильное внутреннее прозрение происходит у героя в откровенном разговоре с крестьянином Федором: « /.../ люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч – правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит. – Как Бога помнит? Как для души живет? – почти вскрикнул Левин. – Известно как, по правде, по-Божью. Ведь люди разные. Вот хоть вас взять, тоже не обидите человека... – Да, да, прощай! – проговорил Левин, задыхаясь от волнения, и, повернувшись, взял свою палку и быстро пошел прочь к дому. Новое радостное чувство охватило Левина. При словах мужика о том, что Фоканыч живет для души, по правде, по-Божью, неясные, но значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззапери и, все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя его своим светом». Так впечатляюще отрадно разрешается финальная ВНС у любимого автором романного героя. Описанная Л. Н. Толстым ВНС позволяет нам открыть потаённый мир человеческих исканий истины.

6. Предварительные итоги

Впереди пора тщательного изучения ВНС в автокоммуникации. Но уже на нынешней стадии предварительного погружения в хрупкую и постоянно сопутствующую нам проблему ясно, что уникальную отчетливость и многообразие проявления ВНС, запечатленную в литературной культуре, трудно переоценить. На одном полюсе обнаружения ВНС – повседневная когнитивная активность с импульсивным речевым сопровождением, вносящая более или менее заметные коррективы в обыденный речемыслительный процесс, на другом – предельно сложное сопряжение отчаянно пульсирующей мысли и интенсивной эмоционально-экспрессивной речи, приводящее к заметной, порой

судьбоносной перемене ценностных жизненных и житейских ориентиров и представлений.

ВНС различается по шкале своей отчетливой эмоционально-экспрессивной устремленности: грусть – тревога – пороговое смущение – радостный подъем – счастливое потрясение. Важный различитель ВНС – разновидности его непосредственного речеванового сопровождения: возгласы, вопросы, восклицания, одобрения, выражения восхищения, ликования, возражения, ворчания, резюме, констатации, сентенции, афористические откровения, назидания, насмешки, самоуговоры, объяснения, раскаяния, признания... Очевидна непосредственная зависимость эмоционально-экспрессивного переживания ВНС от языковой личности субъекта, от особенностей его речевого поведения. Требуется специального доказательного рассмотрения органичная связь в русской автокоммуникативной культуре самой природы ВНС с концептами «правда» и «душа» [21: 326–330].

Автокоммуникативный феномен ВНС, с точки зрения основных его компонентов, может быть представлен так: привычный, относительно ровный процесс речемыслительной деятельности внезапно прерывается новыми внешними и внутренними сигналами, случайно обнаруживаемыми или подсознательно подготовленными, и сигналы эти оказывают на речемыслительный процесс отрезвляющее / озадачивающее / ошеломляющее впечатление, приводят к огорчениям, озарениям, неожиданным умозаключениям. При этом может едва заметно / чувствительно / круто меняться настроение, самочувствие, отношение к себе, к другим, к оцениваемым событиям и обстоятельствам. Прозрение в таких случаях часто сопровождается эмоционально окрашенным речевановым (вопросительно-восклицательным) аккомпанементом и выводит на некий новый уровень восчувствования, осво-

ения реальности. В результате ВНС мысль обретает новые качественно-смысловые импульсы, новое качественное содержание. В пушкинской версии: «Случай, Бог изобретатель».

Подытоживая, отметим: наиболее впечатляющее нас явление ВНС с ментальной достоверностью определяется цепью примерно таких рассуждений: думал о чем-то, и вдруг... пронзила мысль / обратило на себя внимание событие / открылась правда, заставляющая что-то пересмотреть, на что-то посмотреть другими глазами, всё вмиг расставить по местам. В состоянии душевного подъема, изумления, обрешившейся на человека тревоги субъект ВНС может продолжить исходную думу, благодарно смущенный / озадаченный / удивленный / отрезвленный неожиданным открытием. Состояние, переживаемое в процессе ВНС, может быть близко к оппозиции, устами Чацкого обозначенной в комедии А. С. Грибоедова: «ум с сердцем не в ладу». Рациональное и чувственное приходят в тревожное противоречие и оборачиваются душевными терзаниями. ВНС таит в себе риски серьезных психологических испытаний.

При внезапной концентрации внимания «Я» на позитивных сторонах жизни, на преодолевающих горести и недуги человеческих возможностях и готовностях ВНС способен оказывать утешительное, успокоительное, вдохновляющее аутопсихотерапевтическое воздействие на субъекта когнитивных самонаблюдений. ВНС в процессе *позитивной* внутриличностной коммуникации невольно способствует социально-психологической адаптации к сложным обстоятельствам жизни. В любом случае семантическая направленность ВНС существенно (и позитивно, и драматически остро) влияет на состоятельность и результативность нашей речемыслительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прозоров В. В. Немая сцена в свете теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 69–77. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV
2. Лотман Ю. М. Система с одним языком. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 14–17; 163–177.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
4. Евченко Н. А., Лисецкий К. С., Березин С. В. Роль внутреннего диалога «Я – Другое-Я» в развитии личности // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9, № 1. С. 76–82.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 12. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 718 с.
6. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1997. 732 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.
8. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. Изд. 2-е. М. : URSS, 2007. 256 с.
9. Кучинский Г. М. Психология внутреннего диалога. Минск : Университетское, 1988. 304 с.
10. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. Изд. 4-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 112 с.
11. Верани Анке. Роль внутренней речи в высших психических процессах / пер. с англ. // *Культурно-историческая психология*. 2010. № 1. С. 7–17.
12. Кольцова Е. А., Карташкова Ф. И. Особенности функционирования внутренней речи в лингвопрагматическом и психологическом аспектах // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2018. Т. 8, № 4. С. 55–73.
13. Артюшков И. В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого). М. : Изд-во МПГУ, 2003. 348 с.

14. Кружилина Т. В. Внутренняя речь при вербальной интерференции // Вопросы психолингвистики. 2023, № 4 (58). С. 94–108.

15. Визель Т. Г. Прикладная нейролингвистика. М. : Московский институт психоанализа, Когито-Центр, 2020. 339 с.

16. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.

17. Блох М. Я., Сергеева Ю. М. Внутренняя речь в структуре художественного текста. М. : Изд-во МПГУ, 2011. 180 с.

18. Гинзбург Л. Я. О лирике. М. ; Л. : Советский писатель, 1964. 378 с.

19. Татару Л. В. Жанровая, когнитивная, нарративная природа лирики // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 300–313.

20. Пыrkov И. В. Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов). Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2017. 392 с.

21. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica).

REFERENCES

1. Prozorov V. V. A silent scene in view of the speech genre theory. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 69–77 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-69-77>, EDN: VDNAXV

2. Lotman Y. M. A Single-Language System. Autocommunication: “I” and “Other” as addressees. In: Lotman Y. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB, 2001, pp. 14–17 ; 163–177 (in Russian).

3. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).

4. Evchenko N. A., Lisetsky K. S., Berezina S. V. The role of the internal dialogue “I – Other-I” in personality development. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, vol. 9, no. 1, pp. 76–82 (in Russian).

5. Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t. T. 12* [Complete Works: In 14 vols. Vol. 12]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 718 p. (in Russian).

6. Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy. T. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov* [Collected Works. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s]. Moscow, Russkie slovari, 1997. 732 p. (in Russian).

7. Vygotzky L. S. *Myshleniye i rech'. Izd. 5-e, ispr.* [Thinking and Speech. 5th ed., corrected]. Moscow, Labyrint, 1999. 352 p. (in Russian).

8. Sokolov A. N. *Vnutrennyaya rech' i myshleniye. Izd. 2-e* [Inner Speech and Thinking. 2nd ed.]. Moscow, URSS, 2007. 256 p. (in Russian).

9. Kuchinsky G. M. *Psikhologiya vnutrennego dialoga* [Psychology of Inner Dialogue]. Minsk, Universitetskoe, 1988. 304 p. (in Russian).

10. Gorelov I. N. *Neverbal'nyye komponenty kommunikatsii. Izd. 4-e* [Non-verbal components of communication. 4th ed.]. Moscow, LIBROKOM, 2009. 112 p. (in Russian).

11. Verani Anke. The role of inner speech in higher mental processes. Trans. from English. *Cultural and Historical Psychology*, 2010, no. 1, pp. 7–17 (in Russian).

12. Koltsova E. A., Kartashkova F. I. Features of the functioning of inner speech in linguopragmatic and psychological aspects. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 55–73 (in Russian).

13. Artyushkov I. V. *Vnutrennyaya rech' i yeye izobrazheniye v khudozhestvennoy literature (na materiale romanov F. M. Dostoyevskogo i L. N. Tolstogo)* [Inner speech and its depiction in fiction (based on the novels of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy)]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2003. 348 p. (in Russian).

14. Kruzhilina T. V. Inner speech during verbal interference. *Questions of Psycholinguistics*, 2023, no. 4 (58), pp. 94–108 (in Russian).

15. Vizel T. G. *Prikladnaya neyrolingvistika* [Applied neurolinguistics]. Moscow, Moscow Institute of Psychoanalysis, Cogito Center, 2020. 339 p. (in Russian).

16. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 476 p. (in Russian).

17. Blokh M. Ya., Sergeeva Yu. M. *Vnutrennyaya rech' v strukture khudozhestvennogo teksta* [Inner speech in the structure of the fiction text]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2011. 180 p. (in Russian).

18. Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About lyrics]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel', 1964. 378 p. (in Russian).

19. Tataru L. V. Genre, cognitive, narrative nature of lyrics. *Zhany rech'i: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 8. In memory of K. F. Sedov]. Saratov, Moscow, Labyrint, 2012, pp. 300–313 (in Russian).

20. Pyrkov I. V. *Gnezdo nad obryvom. Ritm, prostanstvo i vremya v russkoy usadbenoy literature XIX veka (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)* [Nest over the cliff. Rhythm, space and time in Russian estate literature of the 19th century (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)]. Saratov, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saratov State Law Academy” Publ., 2017. 392 p. (in Russian).

21. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. Studia Philologica. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 20.09.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 20.09.2024; published online 30.05.2025